

Расизм, национализм и биополитика в курсе лекций М. Фуко «Нужно защищать общество»

М. Келли

Department of Philosophy, Macquarie University, Australia

В 2003 году в английском переводе вышел курс лекций Мишеля Фуко, прочитанный им в 1976 г. в Коллеж де Франс. Курс «Нужно защищать общество» содержит много интересного для изучающих Фуко, однако эта статья сосредотачивается лишь на финальной лекции, которая, в отличие от других, излагающих историю понимания войны обществом и политикой, переносит эту историю в настоящее, показывая, как она работала в XX веке. В центре нашего внимания — феномен «государственного расизма»¹. И хотя заключительная лекция была напечатана на французском языке в «Les Temps Modernes» еще в 1991 году, потенциальную возможность использования содержащейся в ней концепции расизма, явно упустили из вида². Единственной серьезной англоязычной работой, посвященной этой лекции Фуко, можно назвать «Расу и Воспитание Желания» Лоры Энн Столер³. Она также обращает внимание на то, что «никто не поднял» темы биополитического расизма, затронутой в лекции 1976 г.⁴

Первая часть настоящей статьи представляет собой осмысление концепции «государственного расизма» М. Фуко. Анализ Фуко сам по себе предварителен, экспериментален, его гипотезы не закончены, поэтому его никак нельзя назвать схемой, пригодной для объяснения политики. Однако вторая часть этой статьи представляет принципиально новую интерпретацию заключительной лекции Фуко 1976 г., описывающую современную геополитическую ситуацию. В рамках основной концепции биополитического общества и государственного расизма Фуко я анализирую ситуацию в Австралии, где сегодня заметен переход от этнического государственного расизма к национализму, который ссылается на национальные экономические и демографические интересы. Затем я обращаюсь к ситуации в США и их внешней политике, доказывая, что «война с терроризмом» является биополитической войной и работает согласно логике биополитических тенденций, в рамках которой все делится на тех, кто за Америку (добро), и тех, кто против нее (зло).

Kelly M. Racism, Nationalism, Biopolitics: Foucault's «Society Must Be Defended» // *Contretemps*. 2004. № 4. Мы благодарим редакцию журнала «Contretemps» и Марка Келли за предоставленный материал.

© М. Келли, 2004.

© М. Богданова, 2008 (перевод).

¹ Foucault M. *Society Must Be Defended*. Trans. D. Macey. L.: Penguin, 2003. P. 239 (Фуко М. *Нужно защищать общество*. Пер. Е.А. Самарской. СПб., 2005. С. 253).

² Foucault M. *Faire vivre et laisser mourir: la naissance du racisme* // *Les Temps Modernes*. 1991. Т. 48 (535). P. 37-61. На этот текст опирается Энн Лаура Столер: *Race and the Education of Desire*. Durham: Duke UP, 1995. P. 57-58.

³ См.. Stoler, *Race and the Education of Desire*. P. 55-94. Однако, в связи с тем, что Столер писала не об общественной сфере, резюме ее материала этому соответствуют. Таковы же и две обширные статьи об этих лекциях: Marks J. *Foucault, Franks, Gauls* // *Theory, Culture & Society*. 2000. № 17. P. 127-147; Elden S. *The War of Races and the Constitution of the State: Foucault's "il faut defendre la societe" and the Politics of Calculation* // *Boundary*. 2002. № 2. P. 29, которые в основном представляют собой резюме лекций, уже опубликованных на французском, для англоговорящей аудитории. Есть надежда, что широкое распространение «Нужно защищать общество» будет способствовать появлению исследовательской литературы об этом курсе лекций.

⁴ Stoler L. *Race and the Education of Desire*. P. 88.

Право государства на убийство и биополитика

В курсе лекций 1976 г. Фуко говорит о появлении нового способа фиксации истории, возникшего в конце Средневековья. До этого история преподносится с точки зрения правителя, подчеркивая непрерывную преемственность власти. Эта новая история оспаривает status quo, утверждая в обществе фундаментальное противостояние между правителем и какой-либо группой подданных. Кстати говоря, это противостояние всегда расовое. В Англии оно приняло форму борьбы буржуазных и мелкобуржуазных элементов, считающих себя потомками саксонского населения Англии, и монархии, которая представлена потомками нормандских захватчиков (это только один пример того, как английское общество делилось на классы в свете проблемы нормандцев и саксов). Во Франции аристократы жаловались на то, что их права завоевателей ущемлены монархией в союзе с элементами галло-римского происхождения. Такие речи могут интерпретироваться в чью угодно пользу, поэтому неудивительно, что вскоре государственная власть стала использовать их в своих интересах.

Следствием популярности этих разговоров стало то, что общество начали представлять в рамках расовой борьбы. В XVIII столетии государства управляют этими толками, используя их в своих целях, чтобы объяснить status quo. В конечном счете, разговоры о расовой борьбе, которые «прославляет»¹ Фуко, движутся от идеи о том, что такая борьба является основой общества, к идее о том, что общество становится жертвой внутренних и внешних врагов, т.е. мутирует от расовой борьбы к государственному расизму². Это влечет за собой восприятие национальности как расы, а людей как представителей расы, для которых иные расы, внутри и за пределами страны, представляют опасность. Как мы видим, в XIX столетии появляются два подхода: с одной стороны, государственный расизм, который подменяет внутренний базисный межклассовый конфликт общества борьбой общества с его врагами, с другой — идущая от Ницше к Фуко концепция, утверждающая первостепенную роль борьбы как внутренней динамики всякого общества.

Восприятие дискурса расовой борьбы как дискурса государственного расизма тесно связано с появлением биополитики — одной из двух выделенных Фуко величайших технологий³ власти современного мира (вторая технология власти — дисциплина)⁴. Эти две технологии различаются по уровню проявления и по возрасту (дисциплина старше), но при этом могут сочетаться друг с другом, что говорит об их полной совместимости и взаимодополнительности⁵. Дисциплина — это технология, которая имеет дело с телами, индивидуальными телами; биополитика — эта новая и более

¹ Foucault, Society Must Be Defended. P. 65 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 81).

² Ibid. P. 239 (Там же. С. 253).

³ «Технология» здесь представляет собой множество методов. Биополитика во многих отношениях подходит на любую другую технологию. Она может быть приспособлена к использованию в различных целях и делает возможными самые разные действия. Хотя любая технология нуждается в индивидуальной активности и несмотря на тенденцию к полному ее развертыванию, биополитика исходит не от одного индивидуума и даже не от какой-то отдельной группы людей, не от президента, не от правительства, не от бюрократии, не от профсоюзов академиков или менеджеров, не от всех них и даже от конкурентов.

⁴ Конечно, так было в 1976 году, но я не думаю, что в этом отношении что-то кардинально изменилось: действительно, если верить Фуко, то, о чем мы говорим, наносит свои удары уже в течение двухсот лет.

⁵ Foucault M. Society Must Be Defended. P. 242 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 256).

сложная технология, работающая с населением на уровне множества¹. Если дисциплина контролирует индивидуальное поведение, заставляет людей быть квалифицированными и продуктивными рабочими, то биополитика управляет населением (например, с целью обеспечить здоровую рабочую силу). То, что эти технологии работают на разных уровнях, делает их легко совместимыми.

В качестве основного отличия биополитики от предшествующих технологий Фуко называет право власти убивать своих подданных (в работах «Воля к истине»² и «Нужно защищать общество»). Биополитика управляет населением не только через право на убийство, но и непосредственно контролируя саму жизнь³. Этим объясняется контроль демографии (показателей рождаемости, эпидемий и др.) и забота об экологической среде (градостроительство, осушение болот и др.)⁴. Но эта новая технология *не отменяет* и никогда не отменит право суверена на убийство. Биополитика всегда связана с этим правом. И биополитика, и право на убийство осуществляются в государстве через государственную монополистическую силу, а за его пределами — посредством права государства на ведение оборонительной или захватнической войны.

Однако сосуществование биополитики и права на убийство отмечено определенным противоречием⁵. Право власти на убийство противоречит принципам биополитической системы: правительства, которые руководствуются биополитическими методами, ставят своей целью, прежде всего, сохранение жизни людей своей страны. Постепенно это становится целью всех правительств. Фуко обращает внимание на возникновение теорий контрактного правительства, обязанного защищать жизнь и обеспечивать благосостояние населения, а следовательно, по закону не способного вредить жителям своей страны⁶. Кроме того, биополитическое общество основано на внутреннем гомеостазисе, а неконтролируемое насилие может нарушить его стабильность. Конечно, применение жесткого деспотичного контроля всегда сопровождалось восстаниями и репрессиями. И все же факт сосуществования биополитики и права власти на убийство неоспорим. Следовательно, должна иметься и сфера, где они могли бы пересекаться. Этой сферой стал государственный расизм. Наше общество стало рассматривать себя как расу, которой угрожают внутренние и внешние враги. Биополитика приводит к разрывам внутри биологического континуума, следствием которых становится разделение населения на ту часть, которую государство охраняет, и ту, к которой применяет право на убийство. «Действительно, что такое расизм? Прежде всего способ ввести наконец в ту область жизни, за которую власть взяла на себя ответственность, некую купюру: купюру между тем, что должно жить, и тем, что должно умереть»⁷. Государственный расизм ищет врагов, которые представляют собой инородные обществу элементы, оно ищет врагов как внешних, так и внутренних,

¹ Ibid. P. 242 (Там же. С. 256).

² Я имею в виду книгу, вышедшую в Великобритании: Foucault M. The History of Sexuality: Volume 1, An Introduction. Trans. R. Hurley. L.: Penguin, 1979, и в 1998 г. переизданную как «Воля к истине». Эта книга впервые вышла во Франции в том же самом году, когда появился курс лекций «Нужно защищать общество». Она до сих пор является основным источником концепции биовласти Фуко, хотя «Нужно защищать общество» включает, по крайней мере, более подробное обсуждение этого вопроса.

³ См.: Foucault M. Society Must Be Defended. P. 241 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254).

⁴ Ibid. P. 244-245 (Там же. С. 257-258).

⁵ Ibid. P. 254 (Там же. С. 269).

⁶ См.: Ibid. P. 241 (Там же. С. 255).

⁷ Ibid. P. 254 (Там же. С. 269).

ведь именно таким образом оно может реализовать свое право на убийство, проще говоря, заставляет этих людей умереть; причем, чем больше развиваются биополитические технологии, тем меньше государство старается сохранять людям жизнь. Фуко называет это «косвенным убийством», подвергающим, например, некоторых людей огромному риску, которому население подвергаться не должно¹.

Раса и нация

Когда Фуко утверждает, что «расизм становится основным механизмом власти, какой она предстает в современных государствах, что приводит к невозможности функционирования современного государства без обращения в определенный момент, в определенных пределах и в определенных условиях к расизму»², он говорит не о бытовом расизме, который представляет собой просто ненависть к другим расам³, а о *государственном, биологическом* расизме. Такой вид расизма, появившийся в XIX столетии, в первую очередь укоренен в новых биологических парадигмах: в теории эволюционного соревнования и здоровья видов⁴.

Особенность нашего исследования в том, что оно затрагивает современный контекст. Каждое государство всегда проводит различие между теми, кого оно защищает (с помощью системы поддержки благосостояния и здравоохранения), и теми, кого оно убивает (враги на войне и закоренелые преступники). Вместе с тем, существует категория людей, чью жизнь подвергают большому риску (голодающие жители стран Третьего мира, собственные бедные и пожилые граждане). Однако с 1976 года здесь произошли изменения: сейчас большое распространение получает антирасизм. На расистские речи наложено табу, они вне закона. Разговоры о здоровье расы теперь в ведении правительства. Так существует ли сейчас такой расизм, который позволяет разделять население по биополитическим принципам?

Апогеем государственного расизма Фуко называет нацизм: немцы говорили, что они объединены кровью, этнической принадлежностью и превосходят другие расы. Помимо нацизма в это же время существовала и другая интерпретация идеи государственного расизма — расизм в *социалистических* государствах. В Советском Союзе было множество форм бытового расизма, например, антисемитизм, «русификация» малых народов Союза. Но тот вид расизма, к которому обращается Фуко, — это расизм в более широком смысле; в его рамках советское население воспринимало себя как биологически чистое существо, которому внутри государства угрожают саботаж, девиантные элементы и остатки классового врага, а извне — мир, полный опасностей, завоевание которого сделает Советский Союз сильнее. Государство с биополитическими задачами (например, ставящее своей целью улучшение благосостояния населения), которое постоянно убивает своих граждан, нуждается в «социальном расизме»⁵.

Из последней лекции Фуко 1976 г. мы узнаём, что расизм «обеспечивает функцию смерти в системе биовласти в соответствии с принципом, что смерть других обозначает биологическое усиление себя самого в качестве члена расы или населения, в

¹ Ibid. P. 256 (Там же. С. 272).

² Ibid. P. 254 (Там же. С. 269).

³ Ibid. P. 258 (Там же. С.273).

⁴ См.: Ibid. P. 255 (Там же. С. 270).

⁵ Ibid. P. 261-262 (Там же. С. 276).

качестве элемента в унитарном и живом множестве»¹. Слово «биологический», я думаю, используется здесь скорее в свободном смысле, так что не стоит воспринимать этот дискурс как биологический; чтобы стать биологическим расистом, нужно воспринимать население как то, чему угрожают внутренние и внешние враги, и что может стать сильнее, устраняя эти опасности.

Это определение не описывает идеологического использования расизма, но отчетливо показывает имплицитный государственный расизм, существующий в биополитических обществах². Специфические качества, которые сегодня связываются со словом «расизм», не обязательно совпадают с характеристиками государственного расизма. У расизма долгая история, которая, однако, даже в дни его расцвета не совпадает с историей государственного расизма. Это совсем не то, что сейчас имеется в виду под словом «расизм» в социально-политическом контексте на уровне биополитического исключения и поношения: биополитическое исключение преступников объясняется только их вредом для общества, а не тем, что они как представители расы опасны на генетическом уровне. Следовательно, как предположил Этьен Балибар, мы видим переход от биологического расизма к неорасизму, в котором акцентирование этнической принадлежности заменяется «клеймом другого»³. Функцией нового расизма остается исключение своих жертв из общества.

Коннотация слова «расизм», в случае если оно звучит как бранное, когда так называют некоторые учения, ставшие популярными в связи с европейской колонизацией и, в конечном счете, с нацизмом, и когда оно используется в выражении «государственный расизм», уводит нас от сущности анализа Фуко. Он понимает термин «раса», основываясь на столетней традиции, где это слово имело мало общего с физической стороной. Фуко ссылается на Средневековье, где преобладающей формой был религиозный расизм, и из-за которого европейские христиане смотрели на мусульман, как на другую расу⁴. Слова «нация» и «раса» были когда-то равнозначны; употребление в таком широком смысле слова «раса», под которым подразумевают принцип разделения между населением/нацией/расой и ее врагами, и есть «государственный расизм».

Австралия и бионационализм

С ростом значимости биополитики и превращением населения в объект для правительства, территория, занимаемая нацией, потеряла свой статус высшего принципа государственной деятельности. Сегодня люди, представляющие собой население, его этнический и лингвистический состав, подвержены всесторонним и непрерывным изменениям. Теперь население *как таковое*, которое поддерживается и защищается, — это не просто его часть, но часть расы, которая отвечает специфическим расовым требованиям. И хотя этнический расизм все еще сохраняет свое влияние во всех обществах, его значимость преднамеренно занижается.

¹ Ibid. P. 258 (Там же. С. 272).

² Ibid. P. 258 (Там же. С. 272).

³ См. Balibar E. Is There a «Neo-Racism»? // Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation Class: Ambiguous Identities. Trans. C. Turner. L.: Verso, 1991.

⁴ См.: Foucault M. Society Must Be Defended. P. 87 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 101).

Такие представления о победе органических интересов нации близоруки и иррациональны и, в конечном счете, не в состоянии служить ее интересам. Австралия ушла от политики «белой Австралии» не только из-за идеологической неприемлемости этнического расизма, но и потому, что квалифицированные и богатые мигранты, независимо от цвета кожи или национального происхождения, укрепляют нацию. Иммиграция понимается как укрепление австралийской расы не на генетическом, а на *экономическом* уровне. Такая политика повышает качество жизни населения не на индивидуальном уровне, но, включая новые элементы, которые улучшают его, делает сильнее население *в целом*. Австралийское население пытается укрепиться как *нация*. Очевидная выгода для каждого австралийца здесь в том, что он становится членом более сильной общности.

Эти замечания повлияли на мое восприятие речи Филипа Радокка, бывшего министра Иммиграции и Межкультурных отношений в австралийском правительстве (и члена правого крыла Либеральной партии), которая называлась «Иммиграция в Австралии: осмысление новой реальности» (23 ноября 2000 года)¹. В этом выступлении Раддок связывает политику иммиграции с национальными интересами. Подобные разговоры долго велись в Америке, сейчас их становится все больше и в Европе. Примечательно, что суть национальной политики в отношении национальных интересов состоит в том, что она призывает изменить состав населения в интересах самой же нации. По Раддоку, «способ, с помощью которого Австралия производит отбор своих мигрантов, важнее, чем количество наших программ». Эта политика подразумевает получение *предельного* демографического результата и направлена на омоложение *населения*. Такая политика в отношении населения объясняет улучшение благосостояния, *в том числе и мигрантов*. Принимая у себя представителей элиты других стран, молодых, талантливых и богатых, Австралия улучшает свой экономический и демографический потенциал³.

Если бы Австралия была расистской страной в бытовом смысле слова, могла ли она тогда впасть в истерику из-за прибытия на лодках нескольких тысяч беженцев, когда она уже поощряет иммиграцию этнически и культурно разнородных квалифицированных и богатых иммигрантов? Для бытового австралийского расиста официально санкционированная иммиграция едва ли более приемлема и даже может быть расценена как большая угроза, ведь квалифицированные и богатые иммигранты укрепляют свои властные позиции в австралийском обществе. Однако с биополитической точки зрения (связанной с отношениями регуляции населения и распространенной во всем обществе, а не в отдельных его группах), различие ясно. Тщательно регулируемая миграция положительно влияет на население. Таким образом, прибытие беженцев на лодках является биополитической агрессией: оно неконтролируемо и вносит неразбериху, вынуждая систему иметь дело с десятками тысяч новых тел,

---

¹ Ruddock Ph. «Australian Immigration: Grasping the New Reality», 6 Dec. 2000 (www.law.usyd.edu.au/nationskilling/papers/Ruddock.doc). Эта речь была произнесена на симпозиуме «NationSkilling: An International Symposium on Immigration, Labour and the Law» («Пополнение нации: международный симпозиум по иммиграции, труду и законности»).

² Ruddock Ph. Australian Immigration: Grasping the New Reality.

³ Конечно, национальный континуум всегда подразумевал значительные изменения от поколения к поколению. В этом случае, однако, концепция национальных интересов может ссылаться на семейный континуум. Впрочем, теперь это нация, к которой апеллируют.

включая и тех, кто может нарушить стабильность (людей с умственными и физическими отклонениями, политических агитаторов).

Есть множество признаков того, что бытовой расизм жив, и именно об этом говорит новая ультраправая политика, требующая ограничения иммиграции и поддерживаемая многими передовыми странами мира. Однако требования установления определенного расового порядка являются крайними даже для этих стран; ведь даже ультраправая политика говорит на языке национальных интересов. Она еще придерживается старой идеи нации, использующей слово «нация», со ссылкой на некую культурную или этническую традицию¹. О том, что такое нация, спорят давно, но это спор между государственными расизмами, спор о том, где проводить линию. Ортодоксальный расизм, к счастью, потерял свое влияние, и прежде всего, из-за своей экономической невыгодности. Мы не должны забывать, что изменение состава населения по экономическим соображениям служит интересам стоящей у власти элиты.

Мы наблюдаем рождение бионационализма, который (еще) не является расизмом или национализмом, ведь он основан на расовых и национальных предубеждениях и делит людей по старым национальным и расовым критериям. Однако важность их уменьшается пропорционально гегемонии антирасизма, противоположенного традиционному расистскому национализму, а также с ростом национализма, несущего восприятие нации как населения, как биополитического представительства.

Биополитика и 11 сентября

Какая из форм государственного расизма сопутствует бионационализму? Влияние биологической, эволюционной расовой теории снизилось, культурный этноцентризм также отходит на второй план. Мы остаемся с голым понятием нации и национальных интересов, которые, по сравнению с прошлым, больше связаны с экономикой. В этой части работы я доказываю, что происшествие 11 сентября стало *casus belli* для биополитического общества. А в следующей части обращусь к той форме государственного расизма, которая позволяет убивать в ответ.

Очевидно, Соединенные штаты Америки готовы пойти в войне против терроризма на большие жертвы, чем в других недавних конфликтах. Одно из объяснений этому состоит в том, что США отошли от биополитических принципов. Проникновение биополитики в традиционное право суверена на убийство было неравномерным: так называемая война с терроризмом, возможно, свидетельствует об отходе от него. Недавний пересмотр высшей меры наказания в США является восстановлением права на убийство. Может быть, это связано с Республиканской администрацией США и стремлением к новым войнам, что приводит к частичному возрождению старой модели суверенной власти, обладавшей правом на убийство.

Однако, по-видимому, сейчас стараются уклониться от необходимости нападения на вражеское население, как это было в предыдущих войнах. В то время как многие мирные жители действительно умирают, по отношению к смерти существует какая-то брезгливость. Нет больше (официальных) разговоров о бомбежке. Напалм ис-

---

¹ Ясно, что опорой здесь служат страхи чувствующих себя в стороне вследствие статуса иммигранта. Эти страхи могут иметь некоторые основания: со снижением влияния расовой концепции нации, люди, которые обыкновенно имеют привилегии на основе этнической принадлежности, могут потерять их в будущем, и они хотят быть уверены в том, что этнические пристрастия общества в их пользу.

пользуют теперь под разными именами, поскольку его применение осуждается. С этим, начиная с Вьетнамской войны, по-видимому, связана реализация всеобъемлющего биополитического права на убийство. Существовала бесспорная готовность к ведению войны, которая не могла начаться до 11 сентября.

Можно было бы утверждать, что после 11 сентября, когда были расшатаны позиции биополитики не только в США, но и на всем Западе, позволив обществу допустить потерю жизней американцев, после широкомасштабного убийства в Нью-Йорк, биополитическая защита американцев больше не действует. Но это утверждение может оказаться неверным, поскольку биополитика несет идею нападения как невыразимой жестокости: оно могло бы походить на рациональный военный акт, но не на отвратительный акт зла за гранью постижимого, обоснованного человеческого поведения. Для биовласти 11 сентября недопустимо¹. Биополитика заботится о регуляции и стабильности населения. Конечно, биовласть становится самой собой во время войны, как во Второй Мировой войне в Великобритании, хотя под излишне большим давлением она может и угасать (как в Германии к концу этой же войны). Биовласть может процветать под угрозой, внушаемой в данный момент, но ей при этом необходимо организовать массовую защиту населения, даже если она кажется параноидальной, учитывая принимаемые для этого меры.

Чтобы в этом разобраться, мы должны обратиться к тому, как работает биополитика на уровне индивидов. Различия в индивидуальных ценностях и восприятии совершенно необходимы для действия биовласти: это условия существования биополитической технологии и незаменимая часть ее функционирования. Биовласть — это технология, и она может распространяться, только если будет понятна и желаема. Она требует от населения сотрудничества, требует, чтобы оно соблюдало нормы гигиены и медицинского самоконтроля, размножения, требует использования мониторинга населения. Она диктует прекращение случайного насилия и убийств. Биополитическое общество скрепляется ужасом перед смертью и табу на нее. Фуко в «Нужно защищать общество» утверждает, что из этого табу можно сделать вывод, что власть больше не заботится о смерти: прежде, чем смерть сделалась ее орудием, она стала абсолютно частной². В любой ситуации, по любым причинам смерть рассматривается как окончательное зло. То, что описывает Фуко, — это её политическое, скорее даже биополитическое, измерение. Потребность защищать американское население от нападения коренится в индивидуальном страхе перед смертью, перед тем непредсказуемым и насильственным событием, когда самолет врывается в твой офис, пока как ты очищаешь e-mail от спама. Эта психология связана с современной экономикой, которая, как, к сожалению, известно, хрупка, что обозначено, например, в индексе «потребительского доверия». Это право людей на упорядоченный образ жизни, исключающий возможность смерти, тем более насильственной или непредвиденной (так сказать, *неподконтрольной*), которое, по существу, соответствует праву на уров-

---

¹ Это не исключает возможности того, что некоторые теории 11 сентября могут быть верными: если какое-то государственное образование стояло за этим произволом, его стратегия была направлена на создание видимости угрозы биополитической стабильности.

² Foucault M. Society Must Be Defended. P. 247-248 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 253).

не населения¹. То, что люди не обеспокоены ею, — это эффект биополитической технологии. Когда они чувствуют хотя бы малейшую угрозу внезапной смерти от террористического акта, они требуют от правительства всех возможных мер по предотвращению этой опасности; но разрушение экономики может произойти и без прямого разрушения, вызванного террористическим актом.

В результате 11 сентября биополитическое общество переходит в наступление. В этом нет ничего нового — биополитические общества ведут нападения с момента своего появления. Ситуация 11 сентября, однако, дала им новый повод объединиться, чтобы, защищаясь, напасть, чтобы начать войну, которая ведется не для создания новых колоний, а скорее в интересах уже существующего населения, прежде всего, населения США. И для этого нужно провести расистские границы между «нами» и «теми, кто против нас».

Это никоим образом не исключает других мотивов американского экспансионизма, например, экономической выгоды. Хотя ситуация 11 сентября вызвала биополитическую заботу о безопасности, вторжение в Ирак, по-видимому, несет скорее экономические, нежели биополитические, мотивы, ведь никто не верит, что Ирак представлял какую-либо угрозу для американского населения, и что эта страна участвовала в теракте 11 сентября. Однако, если вторжение в Ирак должно было обеспечить стабильные нефтяные поставки, тогда этот явный экономический интерес чрезвычайно важен для стабильности и развития американского общества, следовательно, экономические и биополитические интересы не разделены, а скорее дополняют друг друга. Подобно этому, очевидно, что именно обеспечение биополитической стабильности родины является тем, что приносит экономическую пользу. Хотя мы и можем сказать, что любое империалистическое предприятие имеет и экономические, и биополитические цели (т.к. между ними нет радикального различия), важно признать, что биополитические интересы не могут трансформироваться в экономические. Биополитические мотивы в империалистических авантюрах важнее экономических интересов: последнее вторжение в Ирак было не просто биополитической войной, и стало бы невозможно без повода, созданного угрозой биополитической стабильности США, привязанного к 11 сентября и позволившего администрации начать наступление на означенных врагов по любым причинам, связанным с нефтяными или другими интересами.

Государственный расизм и война в Ираке

В чём же тогда состоит принципиальное различие между биополитикой и правом на убийство и на то, чтобы подвергать риску других в так называемой «войне с террором»? Как государственный расизм задействован в этой войне? Конечно, нам говорят, что эта война не расистская. Нам говорят, что эта война ведется для всех людей. Действие государственного расизма, однако, можно заметить в тех оправданиях войны в Ираке, которые извиняют потери американских жизней². Лучшее и самое незаметное

¹ Конечно, нельзя сказать, что до биополитики людям не был присущ страх насильственной смерти. Я говорю о том, что перспектива насильственной, случайной смерти теперь вселяет явный ужас, что является специфичным для определенной системы.

² Возможно, несправедливо выбирать американцев среди «коалиции доброй воли». Я сконцентрировался на них, поскольку именно они развязали «войну с терроризмом» и на их биополис было совершено нападение, которое разозлило их.

из этих оправданий — утилитарное, ссылающееся на страдания иракских людей. Кроме фактической лживости этих аргументов, очевидно и кое-что еще: эти утилитарные аргументы не несут абсолютного оправдания для убийства гражданских жителей в нормальных обстоятельствах в западных обществах. Любой, кто изучал этику, знает, что такие аргументы выстроить нетрудно. Налицо все приёмы политики утилитаризма, которые могут быть использованы там, где жизнями американцев жертвуют, чтобы помочь большинству. Допустимо убить тысячи иракцев для пользы остальных иракцев. И также допустимо послать американцев на смерть в бою (но не на смерть в медицинских экспериментах) ради благополучия остальных жителей Америки. Утилитарные доводы могут отсылать к благосостоянию населения в целом, а не к простому принципу максимального блага для большинства. Если населению необходимо направить свою мощь против внутренних врагов, например, преступников, оно объявляет их врагами населения. Но в борьбе с этими преступниками оно может расположить своих собственных членов, например, полицейских, на линии огня. Это не значит, что потери США в иракской войне оправдывает идея о том, что это сделает американское население сильнее, — это тот вид высшей биологической формулы, которая получила большую популярность в первой половине XX столетия, особенно у нацистов¹. Скорее, эти потери сегодня оправдываются явной угрозой населению и биополитическому гомеостазису, поэтому, в конечном счете, они зиждутся на утилитарном основании. Конечно, эта угроза может быть воображаемой, но нужно *сказать*, что она существует, чтобы оправдать смерти американских отрядов и, что, возможно, и не так важно, — смерти иракцев. В «Воле к истине» Фуко приписывает ценностный статус войн в XX веке биополитике, и это означает, что «они ведутся теперь во имя всех»².

Особенностью распространения утилитаризма является расизм, в котором для «нас» и для «них» действуют различные принципы. Конечно, есть и ценностное оправдание войны. Демократия и права человека должны быть внедрены в те части мира, где все еще господствует деспотичная кровавая власть: настоящая война говорит на языке «свободы». Я не сомневаюсь, что многие действительно хотят установления демократии в этих областях, этому уделяют много внимания неправительственные организации³ и занятые в проекте войны с террором либералы, к примеру, Тони Блэр. Но это желание — желание расширить биополитическую технологию, и оно должно пониматься как часть стратегического проекта, затрагивающего международную безопасность и либерализацию торговли. Часто утверждают, что эти деспотичные режимы «порождают» терроризм, так как, в отличие от демократических государств, не имеют легальных способов разрешения конфликтов, и применяют лишь насилие деспотичного правления посредством права на убийства и пытки, порождающих новое насилие. Нельзя сказать, что это желание распространить биополитику или просто демократические методы коварны, поскольку те, кто желает воплотить их, в то же время реализуют задачи собственной биополитики.

Более приемлемое теперь, чем в девяностых, оправдание войны, не связанное с прямым заявлением о праве на защиту США, — право на безопасность — выдаёт отчетливый личный биополитический интерес. Американцы теперь в большей степени

¹ Foucault M. Society Must Be Defended. P. 257 (Фуко М. Нужно защищать общество. С. 273).

² Foucault M. The Will To Knowledge. P. 136 (Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 240).

³ Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge: Harvard UP, 2000.

готовы к кровавым жертвам, тем более стоит учитывать риторику Буша о борьбе добра против зла. Эти выступления, конечно же, морализирующие, а не расистские. Но в них присутствует четкое разделение «нас» и «их», наших друзей и наших врагов — можно быть либо с Америкой, либо против нее. В этом свете легко понять биологический государственный расизм: он разрезает границы национальности поперек, согласно логике биологических интересов; существует враги внутренние и враги внешние. Не все, кто за границей — враги: за границей есть и друзья. Мы рассчитываем на помощь друзей, можем с ними сосуществовать. Мы можем объединиться с ними для создания международного порядка, который будет действовать в наших взаимных интересах. Все биополитические общества (в том числе и американцы) заинтересованы в сдерживании терроризма, в исчезновении непредсказуемых и изменчивых факторов за пределами биополитических кругооборотов. Конечно, в то время как все биополитические общества разделяют эти интересы, многим из них уже угрожает американская гегемония.

По-видимому, в этот период биополитический государственный расизм *как таковой*, стал не более, чем защитой внутреннего населения от угрожающего ему внешнего. Это приводит к национализму, на уровне населения проявляющегося как шовинизм. Есть проявляющееся в конфликтах расистское отношение к арабам потому, что они арабы, к мусульманам потому, что они мусульмане, но такие различия становятся тенденциозными, так как сейчас предпринимаются попытки примирить с исламом американское население. Но пока действуют старые формы, пока люди еще говорят о борьбе, официальная тенденция отвергается в пользу государственного расизма, который, в том случае, если это служит для защиты Америки, позволяет убивать иностранцев только потому, что они не американцы. Конечно, за альтруистической риторикой скрываются личные интересы, и эта риторика — слишком прозрачная завеса, неспособная убедить тех, кто уже не безоговорочно поддерживает принцип безопасности американцев; возможно, это одна из причин, по которой эта война не была поддержана другими странами.

С первых шагов биовласти государственный расизм, по сути, установил антагонизм между населением и теми, кто находится за его пределами. Единственная сущность государственного расизма, принимающая самые разные формы, состоит в дискредитации других. Из-за того, что биополитическая система подразумевает, что государство не должно утверждать право на убийство или позволять умирать, биополитика нуждается в суверенной власти и государственном расизме в широком смысле. Государственный расизм не укрепляет государство, не является простым устройством для развязывания войны, он должен сочетаться с биополитическим государством, в значительной степени оторванным от жизни своих людей, что обеспечивается сферой биополитики, а не правом суверена на убийство или разрешением умереть. Учитывая то, что наше общество оценивает человеческую жизнь *per se*, и то, что существует законная декларация этого, даже несмотря на утверждения о том, что экономическое неравенство должны быть узаконено, мне кажется, государственный расизм в понимании Фуко оказывается чрезвычайно простым и крайне необходимым концептом для понимания противоречия в оценке обществом человеческой жизни, в Ираке ли, в Вумере¹ или в

---

¹ Woomera, англо-австралийский ракетный полигон в Южной Австралии в районе г. Вумера. Существовал с 1946 по 1976 гг. Основной работой было испытание боевых ракет - *примеч. пер.*

нашей собственной тюремной системе. Не стоит смешивать это обстоятельство с тем, что расизм в узком смысле слова необходим для биополитического общества, но, конечно, возможно, что наши государства могут устранить узкие расовые предубеждения и просто поддерживать свое право на убийство (хотя важно обратить внимание на то, что они все же этого не сделали). Необходимо лишь, чтобы шовинизм распространялся среди *населения*, что *a priori* провозглашает слоган «*нужно защищать общество*».

Перевод английского М. Е. Богдановой

M. Kelly

Racism, Nationalism and Biopolitics: Foucault's «Society Must Be Defended»

2003 saw the appearance in English of Michel Foucault's 1976 lectures from the Collège de France. Society Must Be Defended contains much to excite Foucault scholars, but this article concentrates solely on the final lecture of the series, which takes quite a different tack from the rest, concerned primarily with the history of the understanding of society and politics on the model of warfare, and brings this history into the present, with a consideration of where this mode of understanding has led in the twentieth century. Central is the consideration of the phenomenon of «State racism». While this lecture was first published in French as far back as 1991 in *Les Temps Modernes*, it has clearly been largely overlooked, especially the potential momentousness of the use of the concept of racism developed in it. The only serious consideration of it in English (or at all for that matter) I am aware of is in Laura Ann Stoler's *Race and the Education of Desire*. Stoler herself notes that "no one took up" this theme of biopolitical racism from the 1976 lectures.

The first part of this paper comprises an exegesis of Foucault's concept of state racism. Foucault's analysis is in itself tentative, experimental, describing his working suppositions, not something complete, and therefore not yet a schema to be applied to understanding politics. Nevertheless, the second part of this paper is precisely the experimental application of the final lecture of Foucault's 1976 Collège de France lecture series to the contemporary geopolitical situation. Within the basic framework of Foucault's account of the biopolitical society and state racism, I argue, with reference to the case of Australia, that today we are seeing a move away from an ethnic state racism towards a nationalism which is premised simply on the interests of the nation as an economic, demographic entity. I then argue, using the case of the United States of America and its recent foreign policy, that the «War on Terror» is a biopolitical war and that it operates according to the logic of a biopolitical drive to defend the national population, justified by a stripped-down state racism in which one is either with America (good) or against America (evil).